

ДИСКУССИИ

УДК 327

URL: <http://hdl.handle.net/11435/2092>

Неклесса А. И.
С. 280–295.

А. И. НЕКЛЕССА,
профессор, заведующий лабораторией
Институт Африки РАН, г. Москва, Россия

СЕРДЦЕ ТЬМЫ: ТРАВМАТИЧЕСКАЯ ИНКЛЮЗИЯ¹

Цель: анализ генезиса, динамики, перспектив деструктивных процессов в глобальном сообществе XXI в.

Методы: проблема рассматривается в форме нарративного дескрипта (политической философии) с использованием сценарно-психологического подхода, методов герменевтической компаративистики и с учетом специфики анализа сложных самоорганизующихся систем (самоорганизующейся критичности).

Результаты: определена закономерность генезиса квазисуверенных территорий как постколониальных «травматических инклюзий», неспособных конструктивно вписаться в глобальный цивилизационный текст; выявлена социокультурная тенденция формирования «культуры смерти» и обозначены связанные с ней стратегические риски.

Научная новизна: проанализирован процесс вторичной деконструкции континентальных постимперских массивов как один из источников высоких рисков цивилизации при прохождении постиндустриального барьера; описана вероятность расширения спектра секулярных и постсекулярных деструктивных мировоззренческих альтернатив, которые могут служить стимулом террористической активности.

Практическая значимость: положения и выводы статьи применимы в исследовательской и образовательной практике для оценки глобальных рисков цивилизации, понимания генезиса и перспектив актуального мироустройства, а также для разработки методов противостояния негативным тенденциям и процессам, связанным с новыми формами террористической деятельности.

Ключевые слова: будущее; кризис; транзит; модернити; мироустройство; политическая организация; империя; национальное государство; несостоявшиеся государства; терроризм; неоархаизация; гностицизм; нигилизм; культура смерти.

Введение

«Новое отношение к миру предполагает сближение деятельности ученого и литератора. Литературное произведение, как правило, начинается с описания исходной ситуации с помощью конечного числа слов, причем, в этой своей части повествование еще открыто для многочисленных различных линий развития сюжета. Эта особенность литературного произведения как раз и придает чтению занимательность – всегда интересно, какой из возможных вариантов развития исходной ситуации будет реализован. Так же

и в музыке – в фугах Баха, например – заданная тема всегда допускает великое множество продолжений, из которых гениальный композитор выбирал на его взгляд необходимое. Такой универсум художественного творчества весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией. Вырисовываются контуры новой рациональности, к которой ведет идея нестабильности. <...> Современная наука в целом становится все более нарративной. Прежде существовала четкая дихотомия: социальные, по преимуществу

¹ Статья написана на основе доклада А. И. Неклессы на конференции «Арабский кризис: новые вызовы», секция «Феномен «Исламского государства»: природа, тенденции, перспективы развития» // Институт Африки РАН, НИУ «Высшая школа экономики». Москва, 26-27 ноября 2014 (признана террористической организацией в РФ с 29.12.2014 / recognized as a terrorist organization as of 29.12.2014).

нарративные науки – с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы, – с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается» [1].

Некогда, гуляя светлым утром по кампусу Стэндфордского университета, набрел я на удивительную скульптурную группу, созданную Роденом, в которой присутствовал знакомый Мыслитель, правда, в иных пропорциях и своеобразном окружении. Основой же композиции были гигантские медные двери, а сидящий над створками Мыслитель смотрелся как-то иначе, нежели его канонический образ. Нечто остро-тревожное чувствовалось в этом незавершенном творении мастера: скульптурный ансамбль на площадке калифорнийского кампуса, являл то самое, сакраментальное: «Оставь надежду, всяк сюда входящий...», но, думалось, вовсе не Данта изображает расположившаяся в тимпане фигура.

Постижение футур-истории

Не имея возможности направиться в высшие сферы,
я двинулся к Ахерону.

Вергилий

Постановка проблемы. Мир XXI в. рождает уходящие в неизвестность сценарии, упрощение которых чревато неожиданными контрапунктами сюжета.

Социальная вселенная переживает транзит в неравновесное, возможно перманентно нестабильное, подвижное состояние. Сложившееся мироустройство пребывает в кризисе, его политическая основа – национальное государство – утрачивает прежнюю актуальность. Господствующий тренд – обширная реконструкция миропорядка, универсальная трансформация. Прошлый, 2014, год предъявил находящейся на распутье цивилизации три драматичных ситуации, ставших тестом, испытанием ее жизнеспособности и отчасти намеком на возможные траектории будущего. Успешное купирование распространения по планете эпидемии лихорадки Эбола, грозившей перерасти в пандемию, а затем установление контроля над очагами инфекции на африканском континенте продемонстрировали силу современной цивилизации, действенность ее инструментария, эффективность применяемых методов и средств. Череда критических событий на юго-востоке Украины выявила слабости современного строя, огрехи миростроительства последних десятилетий, несовершенство среды безопасности. Наконец, провозглашение и экспансия Исламского государства обозначили эскиз альтернативного мироустройства, неспособного и нежелающего сосуществовать с современным миропорядком.

Серьезные события происходят в колыбели современной цивилизации – на европейском континенте. Ялтинский/хельсинский миропорядок, установив в свое время границы влияния и правила силовых игр, расчертил Европу (как некогда африканские земли) на геополитические зоны, но теперь он отходит в прошлое [2, 3]. Строительство европейской интегрии по мере увеличения числа и разнообразия участников сталкивается с возрастающим грузом проблем и обременений. Составные же части распавшейся в конце XX в. восточной «зоны господства», обретая государственный суверенитет, утверждают с различной долей успешности новые политические реалии на евразийском континенте. Но это своего рода догоняющая волна исторического процесса, в то время как планету, кажется, накрывает трансформационное цунами, превосходящее по возможным следствиям предыдущие политические реконструкции.

Форсаж социальной динамики, рост ставок в глобальном «казино», проступающие метастазы мирового андеграунда – признаки и призраки неспокойной зона, во многом отличного от прежних футурологических схем и прогнозов. В основе нынешних реформаций мироустройства – исторический кризис института национального государства. Антропологический универсум активно продуцирует инновационные формы политической организации: мировые регулирующие органы, страны системы, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования (квазисуверенные государства), государства-корпорации, негосударственные субъекты прямого и косвенного политического действия, слабоформализованные, но властные сообщества (антропо-социальные структуры), геоэкономические интегрии, бизнес-группы, транснациональные движения, светски и духовно влиятельные «облачные» конstellляции, суммы персональных и коллективных проектов. И даже более экзотичные версии подвижной государственности (*state of affairs*), лишенной границ и прочных обязательств.

В дисперсной трансграничной среде возрастает значение культурных/конфессиональных инициатив, динамичных социогенов, их мемификации, экспансии, гравитации, равно как и вероятность серьезных цивилизационных метаморфоз и рисков [4, 5].

Необходимость проведения исследования. Социокосмос, расширяясь, увеличивает зону неопределенности (соприкосновения с иным), меняет статус человеческого общежития: в транзитном мире тенденции все увереннее господствуют над фактами. В условиях

сосуществования с многочисленными интенсивными переменами будущее начинает восприниматься как интеллектуальный вызов, последовательность криптограмм, а задача прогнозирования видится, главным образом, в преадаптации к всплывающим проблемам: их своевременном опознании и поиске путей разрешения. Кроме того, вовремя распознанные новации подчас являются ценным ресурсом развития.

Переживающее кризис национальное государство – колыбель и производное гражданского общества, способного со временем перейти к автономному существованию либо претерпеть радикальную деформацию. Новый транснациональный Север, преобразуясь в постсовременной купели, покидает североатлантическое лоно и, растекаясь по планете, модифицирует свои прежние конфигурации и целеполагание². Третий мир, оставаясь персонажем вселенского действия, также распадается на Новый Восток, Сырьевой и Глубокий Юг; многочисленное сообщество афро-азиатских государств продуцирует новое переселение народов, балансируя между сценариями догоняющего развития и собственными социокультурными альтернативами.

Интенсивные миграционные потоки влияют на социально-антропологическую карту, перераспределяя деятельное население на планете (добавляя к известным категориям политанализа: геополитике, геоэкономике и геокультуре новое направление исследований – геоантропологию), причем эффект «цивилизационного пылесоса-реконструктора» ощутим в обоих направлениях социального универсума. Предельные же рубежи складывающейся планетарной системы – (а) высокоорганизованное неонеомадическое сообщество (Новый Север) и (б) территории неоархаизации (Глубокий Юг), контролируемые полевыми командирами, эксплуатирующими ресурсы террора и трофейной экономики.

Данная статья посвящена размышлениям об истоках и горизонтах второго проблемного кластера, значение которого стремительно растет в контексте универсальной дестабилизации ситуации на планете³.

² «Сформировавшееся общество – это модель, которая может функционировать не только в оболочке национального государства» (Людвиг Эрхард).

³ Сейчас «мы сталкиваемся с геополитической ситуацией, которая, вероятно, самая опасная с окончания Второй мировой войны: хаос и экстремизм на Ближнем Востоке, российская агрессия и экспансия, ослабление Европы, которое подогревается ростом безработицы, что является результатом неспособности принять структурные реформы во многих странах, которые

Травматическая субсидиарность и крах реинтеграционных утопий

Жестокость террористов в Сирии и Ираке
заставляет нас заглядывать в сердце тьмы.

Барак Обама

Кризис мироустройства затронул как генетические порождения Модернити («Большая Европа» от Нью-Йорка до Канберры), так и охваченные/захваченные данной культурой территории, подчас лишь симулировавшие институты национальной государственности без воссоздания основы – гражданского общества и личности гражданина. В значительной мере это относится к миру, явно либо скрытно колонизированному, а отчасти, и к инкорпорировавшим его конструкциям.

Институт национальной государственности – продукт многовековой экспансии европейской городской культуры, представлений о достоинстве человека и роли личности в истории, промышленного развития, борьбы с феодальной чересполосицей и таможенными препонами, политический итог «перманентного плебисцита» возвращенных по образцу городских коммун национальных корпораций [6]. XX в., начиная с первых десятилетий, перемалывал остатки имперской державности, производя национальную государственность. Имперские массивы того времени можно подразделить на преимущественно континентальные (Российская, Австро-Венгерская, Османская империи), т. е. геополитические ареалы, практически не имевшие открытого доступа к океаническому побережью, либо иначе ограниченные в выходе к мировым коммуникациям (незамораживаемые порты, наличие заливов и т. п.). Колонизируемые территории у данных империй находились в непосредственной близости, сливаясь с телом метрополии («внутренние колонии»). И другой имперский модус: морские – торговые, «островные» по отношению к колониальному конгломерату метрополии, имевшие непосредственный выход к океанам и теплым водам, обильно обраставшие заморскими, т. е. отделенными и отдаленными от метрополии колониями, протекторатами, доминионами и т. п. Второй тип империй избежал экспансии антиколониальной революции на территорию метрополии, позже и мягче первого вошел в кризисную фазу национальных и социальных трансформаций на собственной территории, оказавшись, таким образом, конкурентоспособнее при

входят в состав Европейского Союза» (Джейкоб Ротшильд, председатель «RIT Capital Partners», комментируя годовой отчет траста за 2014 г.). URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/54261>.

прохождении исторического транзита (*national state's rite of passage*).

Судьба постимперских политий также различается – те, у которых, наряду с рядом специфических для той или иной территории обременений, проявился острый дефицит:

- развития институтов критичных для модели национальной государственности (гражданское общество, парламент, независимый суд, муниципалитеты, другие институции, способные амортизировать транзит суверенитета от метрополии нации в становлении и при этом предотвратить его узурпацию собственными автократами);

- исторически значимой социокультурной гравитации (геокультурных оснований для формирования политической нации);

- национальной элиты (интеллектуальный и моральный стержень национального политического организма).

После распада империй они попадали в затяжной водоворот социальных потрясений...

Фактически речь идет о судьбе колонизированных территорий, вовлеченных в круг Большого Модерна, ныне прошедших полноценную социокультурную инициацию. Став неприкаемыми душами современной цивилизации, пребывая в состоянии культурного кризиса, они вместе с тем обладают архивами собственных политических (исторических) дорожных карт и конфессиональных маршрутов, что выливается, однако, в еще одну проблему – удержания национального консенсуса. Порою осколки имперской деколонизации настигал особый «девятый» вал политической бури, и они оказывались во власти догоняющих волн деконструкции, кровавых этнонациональных конфликтов, разрушавших на сей раз актуальных и потенциальных локальных империалистов.

Парадоксальным, на первый взгляд, образом угрозу новой целостности представляют и центростремительные проекты/утопии – попытки форсированной реинтеграции былых империй, но уже на иных основаниях, будь то концепты коммунизма или социализма «национального», «арабского», а также манипуляции с культурно-конфессиональным капиталом, используемым в конъюнктурных или утопических политпроектах («арийство», «русский мир», «халифат»/«исламское государство»). Все это чревато социальной фрустрацией, а при особо неудачном раскладе способно спровоцировать следующую («отложенную») фазу распада юной государственности, оказывающейся транзитной (*failed state*).

Состоявшееся национальное государство сковывает обе тенденции, в то время как кризис идентичности вкупе с идеологическими амбициями высвобождает их. Кроме того, запаздывание национального строительства в ряде мест сомкнулось с нынешним системным кризисом мироустройства, приводя к локальным обрушениям цивилизации.

Разобраться в ситуации подробнее помогает анализ генетики как недавних, так и нынешних геополитически проблемных зон.

Большой Ближний Восток. Проблемные территории здесь: Ливия, находящаяся на грани дезинтеграции, с политструктурой, складывающейся на основе «городов-государств»; расколотые Сирия, Ирак; разделенный Курдистан, Афганистан-Вазиристан-Зона племен; подвижная, «архипелажная» (рассредоточенная) политконструкция Исламского государства (более известного как Исламское государство Ирака и Леванта – ИГИЛ). Историческая платформа значительной части данного большого пространства – Оттоманская империя.

Юго-Восток Европы. Здесь остаются проблемной зоной Республика Северного Кипра, экономически дестабилизированная Греция, Постюгославия как постфедеративное пространство, где наиболее кризисными ареалами являлись Сербская Краина (Хорватия), Республика Сербская (Босния), Косово. Исторические предшественники в предыдущем цикле дезинтеграции были отчасти Австро-Венгерская и та же Оттоманская империи.

Постсоветское пространство. Проблемные зоны: Приднестровье, Крым, ДНР и ЛНР (Новороссия), Чечня (Ичкерия), Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская республика (Арцах); эпизодически – районы Таджикистана и Киргизии. Историческая основа геополитического пространства – Российская империя.

Комплексной проблемной зоной является ряд регионов **Черной Африки**: Западная Сахара (САДР); Азавад; Дарфур, Кордофан, Абьей, Голубой Нил; Северная Нигерия (движение «Боко харам»); калейдоскоп квазисуверенных частей фактически распавшегося Сомали: Сомалиленд, Джубаленд, Авдаленд, Пунтленд, Галмудуг, Нортленд, Маахир; район к западу от Великих озер, особенно – Восточное Конго, ставшее на рубеже нынешнего столетия зоной Великой африканской войны с участием 9 стран и около 20 армий различного генезиса. Исторический субъект организации политической карты континента – колониальные империи: британская, французская, португальская, испанская, итальянская, бельгийская.

Характерные признаки семейства «травматических инклюзий» современной цивилизации:

- политическое пространство «полевых командиров» как распределенное множество очагов власти;
- инволюция к этно/конфессионально ориентированным сообществам-коммунам, «клятвенным союзам», городам-государствам и т. п.;
- ведение перманентных гибридных боевых действий различной интенсивности;
- зыбкие, подвижные границы территорий;
- трофейная экономика как основа жизнедеятельности;
- постмодернистское/фундаменталистское прочтение традиционной культуры/конфессии;
- культурные, профессиональные, социальные, гендерные, политические, экономические рестрикции;
- социальная неоархаизация, культурная инверсия, «цивилизационный пылесос»;
- «антропологический пылесос», действующий как внутри данных территорий, так и относительно окружающего мира, формируя специфические антропологические сообщества;
- симптомы «культуры смерти» как воплощение одной из возможных траекторий аксиологического кризиса.

Духи современности, постмодерна и неоархаизации, соприисутствуя в одном флаконе, инициируют разные программы социальной реализации. Цивилизационная оболочка до поры нивелирует трещины миропорядка, сдерживает разбегание травматических инициатив, противостоя смысловому коллапсу. Но когда прежний солидарный статус человечества критически ослаблен, системы безопасности, даже становясь планетарными, расщепляются и приватизируются кланами. Сценография возможной деконструкции миропорядка отчасти различима сквозь прорехи утопий, и возможность универсальной деструкции человеческого космоса также наличествует в списках исторического прогноза.

Право на будущее

Будущее должно быть заложено в настоящем.

Георг Кристоф Лихтенберг

Во что обратится мир, когда перемены достигнут апогея – «империи рухнут, и армии разбегутся»? Станет *Novus Ordo* благом, мирным соседством льва и лани, согласно провидению Исая? Или нынешний транзит пролог другого, иоаннова апокалипсиса: неопределенного по времени зона, предрекающего

человечеству эскалацию сумрачных сюжетов? Что окажется доминантой процесса – сложный мир высокотехнологичного, постиндустриального космоса или трансграничный конгломерат мирового андеграунда? Станет ли это концом цивилизации или еще одним, очередным зигзагом истории?

Будущее – особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время – субстанция, казалось бы, столь органичная для данной категории – понимается несхожим образом, да и течет оно для разных субъектов с разной скоростью. Р. Музилю принадлежит любопытная сентенция: «Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей». Действительно, трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах опыта (т. е. прошлого), первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим недействительное положение вещей.

Люди противостоят времени, руководствуясь различными побуждениями, соединяя усилия, они создают события, борясь с разрушительными (энтропийными) аспектами времени не только охраняют существующее, но творят будущее как более сложный порядок, и, отвращаясь от прошлого, нивелируют его. При половодье перемен часть людей строит преграды, другая – пытается оседлать поток. Мастерство прозорливости – способность в текущем улавливать настоящее, которое есть будущее (как шанс), удерживаемое оmozоленным сознанием в скорлупе прошлого. Остро востребованным оказывается умение видеть неочевидный, непрописанный и потому неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальную способность гоголевского Вия прозревать в мире живых недоступное зрению обыденных духов. Однако удостовериться в предсказаниях лукавого оракула, вовремя разгадать смысл прорицаний, извлечь прогноз из двусмысленного языка удается далеко не всегда.

Мировая ситуация изменилась. Социальный космос испытывает давление множества мотивированных организованностей, широко использующих средства, созданные технической цивилизацией. Борьба за будущее разворачивается не только среди национальных корпораций, в сфере политики или экономики, финансовых операций или технических возможностей, организационных компетенций и тех-

нологических решений – происходит столкновение мировоззрений, стилей жизни, кодексов поведения, сосуществующих, но не сопрягаемых в системе исторических и моральных и конфессиональных координат. Конструктор будущего – нередко он же антагонист актуальной власти – пассионарная, суверенная личность / группа личностей, порою асоциальная по отношению к сложившейся форме общественных связей или, по крайней мере, критически настроенная, либо отмеченная дерзким прочтением дорожной карты перемен. Эта «малая динамичная общность», молекулярное сообщество – закуска, с пользой для себя впитавшая достижения индустриальной культуры – совершает культурную манипуляцию и социальную революцию, подрывая бастионы повседневности, обрушая смысловые опоры уходящего мира: «Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку <...> Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации <...> или создать таковую – с ее собственными законами, т. е. контробщество» [7]. Критический вопрос тут – о векторе транзита.

Агентство перемен, действуя поверх барьеров, развивается в плаценте собственного социокосмоса, отрицающего окружающую действительность. Подвергаясь обвинениям в произвольном толковании законов, прямом небрежении ими, гегемонизме и терроризме, амбициозные корпорации не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие былое значение. Целеполагание постсовременных конкистадоров напоминает русскую матрешку, а наличие оригинального мировидения является важным преимуществом, провоцируя максимум усилий вплоть до акций, категорически запрещенных прежним моральным кодексом.

Инициаторы футур-исторического процесса проектируют масштабные реконструкции миропорядка, переиначивая смысловые параметры уходящего мира. В транзитном социокосмосе пучки амбиций, когерентно взаимодействуя, мультиплицируются и совмещаются на путях к сфокусированной цели⁴. Соборный субъект перемен, вглядываясь в смутно-различимые, если вообще видимые конвенциональному зрению горизонты, определяет пути колонизации будущего.

⁴ «Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула «видит» только своих непосредственных соседей и «общается» только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы «видит» всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает» [1].

Размыкая обруч государственного патернализма, ограничивая контроль театра и рынка над разумом и языком, личность нарушает и разрушает алгоритмы программируемых извне поступков. Человек расстается с привычками и приязнью к структурам повседневности, реализуя метафизическую свободу: выбор между обновлением прописей подлинности, исходя из собственного понимания приверженности заветам, и действиями вне конфессионального модуса, проявляя сущность, какой бы та ни оказалась. Люди начинают ощущать себя автосуверенами, творцами и соучастниками (сопричастниками) обширных перемен, произвольно очерчивая секулярную/постсекулярную конфигурацию театра гражданских действий (совокупность социальных, политических, религиозных инициатив), который в одном из важнейших аспектов можно определить как власть без государства и без границ [8, 9, 10].

Диапазон толкований будущего весьма широк, что естественно для самоорганизующихся пространств и проекций динамичной свободы. Даже террористическая активность, индивидуальный или коллективный акт деструкции становится привычным спутником нового мира, будучи извращенным стремлением к самостоянию – это своего рода обугленный остов гражданской инициативы в тотально недружественной, агрессивной среде. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная политическим инстинктом, сама отчуждает подобный строй от бытия даже ценой аннигиляционной вспышки. Дело тут не в смене цивилизационного кода, но в изменившихся обстоятельствах: широких возможностях реализации внутреннего выбора. Это совершенно иной модус цивилизации, лишенной привычных нравственных рубежей.

Признаки универсальной реконструкции видны в усложнении социополитических композиций, восстании элит, финансовом футуризме, высокотехнологичном произволе, моральном релятивизме, умножении и разнообразии рисков, экспансии неоархаики. Токи глобальной революции масс и культурной деколонизации пронизывают сегодня не только внешние территории Модернити – они проникают в ее внутренние пределы. Порой создается впечатление, что локомотив модернизации подвергся атаке, и случившийся в механике сбоя грозит направить его под откос⁵.

⁵ «...несмотря на события 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты,

Цивилизация мутирует и отчасти развоплощается, ее обитатели утрачивают прежний статус, политические, силовые, знаниевые институты трансформируются в облачные и катакомбные комплексы – суммы взаимодействий, реализуемые нелегитимным или частным образом... Возникает призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются культурами, толками, орденами, политика пронизывается операциями спецслужб, политехнологов, полевых командиров, экономика конкурирует с финансовым производством, оперирующим актуальной бесконечностью и новыми платежными средствами, а культура вытесняется индустрией развлечений, электронных и химических грез.

Культурный шок от столкновения с иным – шанс на радикальную терапию проблем, нерешаемых в привычной системе координат. Люди способны ошибаться, порой существенно, причем с катастрофическими последствиями: шок новизны, социальные сдвиги сопряжены с серьезными рисками – тлеющий уголек хаотизации способен в час гибели старых богов испепелить корни цивилизации. Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество приближает точку невозврата – антропологическую сингулярность, способную не только увлечь в водоворот эволюционного перехода, но и расколоть планету людей, произведя поток астероидных наследников, агентов мультивекторной эрозии. Триггером вселенского цунами, превращающим трещину в червоточину, может стать некое серьезное потрясение: террористическая акция с применением средств массового поражения либо удар цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между гарантами глобальной безопасности, острый кризис финансовой системы, электронный коллапс, универсальная пандемия, масштабный техногенный или природный катаклизм, синектрический максимум...

олицетворяющие основные западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября – удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным поездом тем, кто не хочет на него попасть» [11].

Постцивилизация: «Корпорация Земля» vs. «Мировой андеграунд»

Мы предсказываем большой мятеж...
и мы верно предсказываем грядущее.

Генри Адамсон

История, вопреки преждевременным декларациям, не завершилась в конце XX в., судя по всему, она просто меняет русло. Одновременно модифицируется ее понимание, а то, что мы наблюдаем сегодня – окончание большой паузы, поиск нового вектора, смена обветшалых декораций: симбиоз разнородных, на скорую нитку сшитых деятельных пространств и судьбоносных решений. Порою, как и всякая химера, весьма причудливого свойства. Политики и эксперты пытаются прочесть мерцающую карту постсовременности, расположенной по ту сторону Большого социального взрыва, – коль скоро то, что понималось под международными отношениями еще лет двадцать назад, фактически, не существует.

Наш мир не мультиполярен – он многомерен и противоречив: люди обитают в предместье призрачной постцивилизации: распределенном множестве шлюзовых камер освобожденного Франкенштейна. Системный кризис цивилизации – по крайней мере, в привычном ее понимании – является амбивалентной ситуацией, и возникает он в результате либо резкого изменения возможностей, либо культурной капитуляции. Сегодня проникая мысленным взором за пределы привычной футурологии, приходится лицезреть не только практикабли светлого будущего, но обретающего плоть и кровь его темного близнеца. Однако, несмотря на широкое распространение апокалиптических проекций, данная тема принадлежит скорее сфере художественного творчества, нежели мейнстриму аналитической прогностики.

Мы наблюдаем – преимущественно сквозь оптику современного кинематографа – дисангелие коллективной психеи: сумеречные архетипы, картины-миражи, проецируемые на земли по ту сторону горизонта. «Над планетой парят летучие острова транснациональной Лапутании, внизу выстраивается многоярусный *Undernet* – трансграничный андеграунд, объединивший яростных обитателей подземелий. Эти динамичные констелляции активно эксплуатируют возможности, открывающиеся для не ограниченных административными или моральными препонами организмов. Флюиды раскованного Прометея трансформируют среду, меняют социальные траектории, опровергают институты, демонстрируя образ вздер-

нутого на дыбу человечества. Национальные корпорации, считавшие себя хозяевами на площадках государств, поколебались и надломились. Из щебня рухнувших конструкций, осколков прежних элит исторгаются астероидные стаи. Пережив неустойчивость почвы и отделение от родных планет, подобно изгоям лабиринтообразной Трои, они устремляются в открывшуюся неизвестность, рая и калеча встречающихся на пути обитателей социокосмоса...». Перевод подобных визионерских криптограмм на дисциплинированное наречие затруднителен не только в силу их экзальтированности: в прописях транзита ощутим лексический, категориальный, однако никоим образом не феноменологический дефицит.

Перемены на планете сопряжены не только с императивом интеллектуальной революции, но и с жаждой моральной реформации. Взрывоопасная смесь Глобального Юга и Нового Севера, обретая глобальные пропорции, возгоняется к критической отметке. Горнило сумрачной реальности – повседневность фавел и бидонвилей, проказа нищеты и междоусобиц, презрение к достоинству человека, некогда опознанному и признанному цивилизацией. Для обитателей Земли чувства гнева, боли, незащищенности не уникальны, порой они становятся уделом стран и народов – на планете ряд мест, где градус страданий за последние десятилетия не снижался, а возрастал. Трухлявая государственность неспособна, да и не стремится обеспечить благосостояние, безопасность граждан, не говоря о случаях откровенного, свирепого геноцида. Страданиями, горечью наполнены сегодня не одни лишь конфликтные территории в Африке или горячие точки на Большом Ближнем Востоке. Из помеченных трупными пятнами «золотых земель» различной конфигурации, не контролируемых легитимными властями кварталов мегаполисов, закрытых для полиции, из отчуждения, порождаемого в недрах беличьего колеса корпораций, из перманентной отверженности, ненужности, тоски по невоплощенному идеалу творится лоскутный, трансграничный архипелаг, пробуждая память о кривых путях к богатству, воле и власти: невольничьих рынках, пиратских республиках, гнездах ассасинов.

Для многих обитателей Земли жизнь и карьера – почти синонимы, признанной целью являются комфорт, статус, безопасность, все, что укладываются в конструктивные, хотя порой незатейливые формы существования. Но в культуре, отвергающей житейский флер, вершиной дерзновения может оказаться акт «гибели всерьез», причем с последствиями, в сравнении с которыми многие боины прошлого показались бы

битьем елочных игрушек. И это не пустая геростратова амбиция – темное дерзновение скреплено чувствами, не требующими ярмарочного признания. Если страсть, лежавшая в основании культуры, – влечение к преодолению несовершенств, социальному творчеству, мечта о симфонии для всех жителей планеты покидает тело цивилизации, если духи рынка превращают мир в корыто всеядного потребления, «райский хутор» коммерческого расчета, это не означает, что страстность *per se* оставила землю. Пройдя регресс и перерождение, она обретет иные формы. И если жизнь оказывается обременением, то порыв к инобытию – к туманным берегам *Ultima Thule* – предоставляет изгоям шанс на пафосное, но фатальное разрешение конфликта.

Рассеянное по планете многочисленное племя миноритарных акционеров – сотрудников и безработных «Корпорации Земля», добивается изменения правил игры и допэмиссии голосующих акций. Играть по существующим процедурам для них бессмысленно. Действуя так, они остаются вечными должниками и маргиналами, не имеющими голосующего представителя в мировом Совете директоров. В среде уязвленного прекариата ведется поиск ресурса, способного превратить изгоев цивилизации в признанную силу, способную опровергнуть, подавить и сокрушить актуальную власть.

Со временем магистерииум сумеречного эона был опознан: активам жизни можно противопоставить капитализацию смерти – единственного неотчуждаемого от человека ресурса, замещая конструкцию деструкцией, желание обустроить быт стремлением значимо реализовать смерть. Что наводит на мысль о мировоззрении, уже ввергавшем в нигилистические бездны своих адептов, находивших в уничтожении земных тел смысл и оправдание бренности, предполагая не столько социальные, сколько конфессиональные горизонты. Диспозиция со временем изменилась, персональное утешение (восхищение, эскалация) становится публичным действием и масштабным актом. Союз экстремизма и нигилизма насыщается испарениями метафизических болот, подзабытых практик, нетрадиционных прочтений традиционного, а из пепла социального холокоста восстает порода людей, лишенных былой идентичности, устремленных к скроенному по иным меркам идеалу. Природа их страсти – заря мира, согласившегося на радикальный исход из униженной и отвергнутой реальности, чтобы во тьме дольного мира воспеть гимн Чуме, восславив деструкцию как основную, конечную и желанную цель творения.

Из катакомб мирового андеграунда, населенных миноритариями «Корпорации Земля» – чей козырь поставленная на кон и эффективно разыгранная гибель, нечестивый ресурс экспортируется в большой социум. Потенциал продукта – предмет игры на повышение: на глобальном рынке извлеченное из сундука Пандоры сокровище современных нибелунгов оказалось высоколиквидным товаром, по-своему эксплуатируемым политэкономической мегамашиной.

Неопознанная культура

Мы не нанесли поражения идее;
мы даже не понимаем эту идею.

*Майкл Нагата,
командующий USASF на Ближнем Востоке*

Где истоки этой отрицающей жизнь тоски, аннигиляционного порыва, выкупающего уничтожением акт освобождения, культуры, чьи адепты – носители искр мирового пожара и судебные исполнители, требующие невообразимого жертвоприношения в надежде приблизить Суд как финал и апофеоз истории? Отдельные черты нигилистичной культуры различимы в шиваистских культах и почитании Кали, буддийском нигилизме и зороастрийском дуализме... Однако отчетливее всего ее универсалистский потенциал прослеживается в гностицистском мировидении. Но что есть гностицизм и какова его внутренняя картография применительно к (пост)современному кругу проблем, проклюнувшемуся мироустройству, экономической и политической практике, ценностям и мотивациям нового мира? Каким видится влияние его идей и шире – специфического мировидения, постулатов, прозрений? Каковы соответствующие его логике модель и траектория универсума?

Отличительная черта данного мировоззрения – особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства плохо сделанного, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Бог обезличивается и обособляется от творения, трансформируясь, по сути, в аристотелев перводвигатель, бытию придается тот же механицизм, что у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним. Характерна онтологизация зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии «сил темных», а также вытекающий из подобной роковой диспозиции деятельный пессимизм. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, рассмотрев ее сквозь призму негативного восприятия вселенной и умопомрачения творца. Пытаясь отыскать простое (линейное) и понятное

(рациональное) решение метафизической тайны – генезис разлада между могуществом и благостью, созиданием и благодатью, – адепты учения усложняют по форме, но упрощают по сути симфонию мира и саму проблему, придавая ей скорее механистический, нежели метафизический привкус дурной бесконечности, порождая представление о творце/творении редуцированное, прагматичное, жесткое, неблагое.

Еще один родовой признак – эзотеризм, эволюция степеней посвящения, практика скрытой власти, действующей параллельно официальной, особых структур управления, используемых и во вполне прагматичных целях. Немаловажное свойство – абстрактное мышление, стремление к умножению миров, нумерологических систем, изошренные операции в дигитальном космосе и актуальной бесконечности. Гностицизм в своей основе есть действенная иллюзия, энергичная попытка умопостижения необъятной абстракции, т. е. обретения свободы без эмпатии и жертвенной любви.

Необходимо упомянуть о его двойничестве-оборотничестве – способности декларировать и демонстрировать в различных обстоятельствах принадлежность к различным конфессиям; о состоятельности – соприсутствии на территории «абсолютной религии» схожих душ и умов; об устремленности к территориям высокого теологического драматизма, «земному царству духа»; и особо, о тяге к христианству – особенно к апофатической теологии и напряженной практике (исихазму).

Гностицизм по-своему близок христианству как его главный оппонент-«близнец»; иногда различие столь тонко, словно из сферы субстанции оно перетекает в область акцентов. В Древнем мире гнозис оказался своеобразным предшественником христианского эона, зачинателем осевого времени. Будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур, он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то знает о христианской истине, но по слишком многим причинам предпочитает собственный ответ, в котором разъята триада творчества, любви и свободы. Гностик – безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, став пленником прелестного зазеркалья: «мы восстанавливали человека, но когда это существо стало, оно оказалось мало похожим на человеческое».

Риску сказать, что гностицизм – своего рода упрощенное христианство (эрзац, оскопивший смирение, исключив «милость к падшим»), что однако влечет совсем непростые следствия. Но как раз этой горделивой стороной данное мировоззрение соотносится с эгоцентризмом современного человека, развращенно-

го потребительской логикой, возвеличенного эманациями массовой культуры, обожающего эффектные, эффективные упрощения. Особенно если можно заменить трагедийное милосердие менее обременительными санкциями и спекуляциями, имеющими как всякое средство комфорта (в данном случае душевного) коммерческую составляющую. Гипостазис личности в пространства эгоцентризма (*sinenobilitate*) сопрягается с проектами класса интеллектуальный поп-арт, ориентированными на умственное утешение, поддержание иллюзии принадлежности к высокой культуре и духовный материализм, а в случае ошибки нисхождения – оказываются просто перспективным товаром. Порою создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения – присутствующая лишь ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности (по своему выражающая *Zeitgeist*), уплощенной цивилизации и гламурного дикарства.

В подобной практике искушениям открывается головокружительный простор – у темной культуры есть свои интимные аспекты, способные резко изменять траектории жизни, опрокидывая и переиначивая шкалу ценностей.

Адепты «лжеименного учения» подменяют жертвенное сочетание личности и любви соединением свободы в лоне иллюзий с обезличенным знанием. Их бог – не личность, ибо гностическим даром, утешением можно уверенно обладать и обогащаться, управляя как силой, что подчас сближает гностицизм с магией.

Различие двух ответов на тайну бытия проявляется в отношении к несовершенствам: гностицизм, накапливая перфекционизм, отрицает живую жизнь и, тяготея к силам искусства, изобретает протезы и утопии (т. е. неподлинное, несуществующее), в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его поднять. Смысл христианского творчества не спиритуалистичен, но конкретен и персоналистичен. Его цель – не искусство как апогей процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект отделяется от какофонии случайного, но персона отъединяется от омертвления беззаконий, греха (ошибок) и его следствий (искажений), так что солидарное творчество охватывает мир, не предрешая, но воплощая результат в соответствии с экзистенциальной сопричастностью и икономией спасения.

Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять его. Но и гностицизм, и христианство – оба пребывают в трансцендентальном отношении к обыденности, сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах.

Гностический дуализм predetermined и особую антропологию. Речь идет не о версиях сочетания двух природ в Богочеловеке (как в дохалкидонской полемике), а о неравном достоинстве людских пород и жесткости разделения человечества на избранных и отверженных. Проявление чего – радикальный элитаризм, обостренный подспудной тектоникой проклятых. Представление о дуальности мира проявляется в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом, что бы под этим ни подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся, по существу, умствующими животными. Гностический универсум делится, таким образом, на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и материальный мир поделок (десакрализованный Юг).

В той же логике переосмысливается кровотоковый вопрос Иова о вселенской справедливости и местопребывании блага при манифестации зла: «Где ты был, Господи?» Вопрос, болезненный для тех, кто ощутил глубину «зияющих высот» в теологии после опыта ГУЛАГа и Освенцима.

Сложноподчиненная конструкция мирового Севера и мирового Юга может быть истолкована как пародийное переосмысление дихотомии Страшного суда, всего корпуса эсхатологии. Можно вспомнить слова С. Булгакова о «переложении иудейского хилиазма <...> на язык политической экономии» или провести параллель со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии». Даже шире. Так, почти фарсовое сближение апокалиптического противостояния избранных и подлых дополнилось в наши дни противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера» «мировому плебейству Юга», квинтэссенция которого – идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание (либо развязывание) демонов мировой анархии.

Иначе прочитывается и тезис о конце истории. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (механические объекты, «зомби»), то действия в отношении них лишены грузной моральной ответственности. Тогда высшее состояние этой юдоли зла – «ночь творения»: распад и аннигиляция мерзости, освобождающая избранные души от власти материи. Ночь истории, что на протяжении сотворения человеком своего мира тенью присутствует как изнанка свободы, – шанс хаоса («тмы над бездною») вырваться из-под оков: предчувствуя исполнение сроков, он готовится к реваншу, стремясь повернуть время вспять ко временам архаики, ахронии и протоистории.

Культура смерти: импlosion неархаики

Мы пришли сюда убивать и умирать.
Боевики сомалийской группировки «Аш-Шабаб»

В основе череды нынешних драм – шарады и шифрограммы истории, пронизательное прочтение которых – добродетель правителей и долг экспертного сообщества.

Новый терроризм – симптом глубоких социальных и ментальных сдвигов. Наиболее зримо и драматично – как верхушка айсберга – он представлен в эпидемии террористов-самоубийц. У него своя формула воплощения в коллективном бессознательном: сопряжение целеполагания предполагает симпатию, инициируя молекулярную самоорганизацию. Но утилизация личности приводит к человекоподобию (воплощению функции), воспроизводя в людском облике обезличенный протокол, посылающий в мир перепоясанных смертью вестников. Феноменология и логика системного террора сравнимы с протеканием инфекционных заболеваний либо поведением перманентно атакуемых популяций. Или с алгоритмами действий виртуальных агентов наподобие компьютерных «вирусов», «червей», «троянов», предъявляя миру соответствующую стратегию угрозы.

Между тем охранные механизмы Модернити настроены на иной тип противостояния, их мощь, ориентированная скорее на принцип эскалации, нежели диверсификации, уходит «в песок». Они были созданы для борьбы с государствами и коалициями, с агрессией институтов, с чем-то, что имеет географически локализуемую структуру, но против анонимных, неопределенных, эклектичных персонажей, распыленных по городам и весям, эти системы безопасности малоэффективны. Рождается феномен диффузных войн, т. е. происходит диффузия временных границ, расплывчатых конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов силовых акций и боевых действий.

Купирование явления зависит не только от успеха силовых/военных операций (борьба с симптомами), но главным образом от состояния и динамики социокультурной экосистемы. Методология нейтрализации угроз предполагает сдвиг акцента от рефлекторной борьбы с проявлениями феномена к разрушению потенциала антисистемы, т. е. подрыву патогенной среды обитания, ее финансовой стерилизации, созданию контрпопуляций и внутривидовых конфликтов, матричному контролю, преадаптации. И одновременно – сублимации отдельных устойчивых проявлений феномена. Иначе говоря, позитивное воздействие оказывает совокупность мер, реализующая динами-

ческий контроль над средой и перманентный целенаправленный диалог с культурной ситуацией [12].

Высокооцененный новым веком ресурс – произвольная, осмысленная и результативная гибель – обретая в комбинациях эпохи глобальное измерение, реализуется не только под именем нового терроризма. На горизонте футур-истории забрезжил образ комплексной «культуры смерти», элементы которой включаются в рецептуру властных игр. Культура смерти – выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики, тяга и способность к массовой деструкции/автодеструкции, тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая определенные мировоззренческие коды и достижения цивилизации, проявляясь в широком диапазоне, обладая ценностно-разработанным, социально и культурно насыщенным содержанием [13]. Она утверждает иную меру вещей: речь идет о легализации и культивации процедур, дискриминирующих и редуцирующих господствующее на планете мировоззрение, подвергая его инфляции, дегуманизируя социальную ментальность, предполагая не только разрешение форсмажорных ситуаций, но также их форсирование и преумножение.

Генезис и распространение культуры смерти – социализацию произвольной автодеструкции – стимулируют:

– фрустрации различной этиологии (экономические, социальные, расово-этнические, конфессиональные), приводящие к психологическому перевороту: изменению пропорций в балансе жизни и смерти («эрос–танатос»);

– аксиологический кризис, проявляющийся в утопии и фундаментализме, но воплощающийся в той или иной форме антиутопии;

– метафизическая дезориентация, переворот в восприятии бытия, гностические и апокалиптические реминисценции.

Все это повышает вероятность радикального изменения условий существования, в пределе же подобная траектория может привести к закату цивилизации.

Культура смерти – рычаг перемен не только в пользу Крайнего Юга. Не один униженный Юг разрабатывает сегодня эти мрачные штольни: запретный ресурс приспособливают для своих нужд различные персонажи мировой кратии и анархии. И не только социальные или постсекулярные причины движитель сумрачного преображения. Деструкция органично сопутствует в истории, она инкапсулирована психикой в метакультурный текст, для которого, однако, характерна асимметрия конструкции и деструкции:

конструкция доминирует, а деструкция чаще прочитывалась как асоциальное действие, признавался лишь ее карательный аспект и сублимация как источник обновления.

Импульсы деструкции в различных обликах время от времени нарушают балансы мироустройства. В минувшем столетии – не только в ходе войн и революций, но также когда на волне избыточного, не покрываемого платежеспособным спросом производства запылали костры экономически обоснованного, однако социально нелепого уничтожения результатов труда. Мании коллективных убийств, призывы к автоаннигиляции, эпидемии самоубийств время от времени охватывали жителей планеты, чье поведение начинало походить на исход леммингов. Лозунг «Да здравствует смерть!» являлся опознавательным знаком движения, грозившего захлестнуть мир. Технологизация деструкции проявилась в индустриализации войн и стимулировании гиперпотребления. Вторая мировая война оставила на теле цивилизации стигматы лагерей смерти, оснащенных механизмами массового уничтожения; завершение же века было омрачено гекатомбами Камбоджи, массовой резней в Руанде, Великой африканской войной. Самоубийство неоднократно публично характеризовалось как «акт свободы» (е. г. в 1978 г. произошло массовое «революционное самоубийство» 918-ти членов «Храма народов»), а террористы-самоубийцы, ведомые различными мотивациями, оказываются сегодня одной из примет времени, проводя свои акции подчас на высокотехнологичном уровне.

Тема рукотворной смерти, создания барьеров на путях умножения жизни сопряжена с дебатами об ухудшении демографической ситуации на планете (*Malthusian trap*), провоцируя ревизию ценностей цивилизации и культуры⁶. Сегодня несколько ина-

⁶ «...[культура смерти] распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом возникает «заговор против жизни». Он не только втягивает отдельных людей в рамках их

че прочитывается сентенция безумного философа: «высший интерес к восходящей жизни, требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни» [14]. На «земляничных полянах» современности ощутимо дыхание «экофашизма» – замыслов плавной либо радикальной депопуляции в диапазоне от самооскопления до биотерроризма. Допущение в мир механизма повальной смерти можно усмотреть и в замысле «оружия Судного дня». Если же кто-то властный решается произнести – «правил нет, они не существуют» – хрупкий лед цивилизации оказывается взломанным, космос общежития разрушенным.

Мы отрицаем закон ради более сложной и справедливой законности, высшей меры вещей либо полного беззакония. Деспотизм обыденности скрывает агонию миропорядка, цивилизация напоминает льдину, растворяющуюся в бурлящем житейском океане. Если «над жизнью нет судии» и «все позволено» – тоталитарный или секулярный эксперимент в марксистском, ницшеанском или фрейдистском духе либо постсекулярный проект форсированного «принуждения к раю», то логический конец истории – антропологическая катастрофа и постчеловеческий мир. Общество спектакля маргинализирует и вытесняет полноценную личность, но сохраняет сложное действие, заселяясь игроками и актерами, фанатами и фанатиками, ботами и виртуальными персонажами: маски, облики, программы, обретая автономность, замещают реальность. Попытки отвержения мира игры сами обретают черты инсценировки – гладиаторских боев с равно негативным результатом. Социальное время начинает обратный отсчет, а в человеческом универсуме растет предчувствие прихода макабрической квазичивилизации: эпохи, когда не жизнь, но смерть становится антропологическим полюсом – точкой отсчета реальности, эталоном подлинности и главным побуждением к действию.

По мере снятия все более глубинных препон, перекройки моральных границ происходит взлом суицидального предела и утверждение онтологического первенства ничто. Утопию вытесняет дистопия, скудость жизни заменяет широта и многообразие способов смерти (ср. феномен СОПСГА – «социально-обеспеченные пилоты-самоубийцы гражданской авиации»). Мысль о допустимости саморазрушения и необходимости уничтожения человеческих толп –

личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами» [15].

как функций матрицы либо как зомби-истерия – став привычной, ведет к адаптации (психологической толерантности) к картинам планетарного жертвоприношения. И уже не самоорганизующиеся очаги нового порядка, а деструктивные всплески критичности будут определять состояние треснувшего земного ландшафта.

Холокост Модернити («Зима уже близко!»)

...тьма была по всей земле (Мф. 27:45)

Новая земля творится не ангелами, и сумерки креации исходят не только из очагов хаоса, но из глубин отчуждения, познанных человеком. Идеи и сценарии укрощения бытия, проклянувшиеся в идеале пира во времена чумы, решившегося воспеть гимн Зиме, получают шанс перерасти рамки локальных плясок смерти, обретя перспективу универсального кризиса, чтобы «мыслящая субстанция» могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное.

Подобная диспозиция раздвигает ретроспективу, перетолковывая события XX в., истоки и горизонты его масштабных экспериментов, включая опыт ГУЛАГа, Холокоста, красных кхмеров, Руанды...

В логике социализированной деструкции прочитывается и нечто интимное, однако же прагматичное: единение в стратегии успеха карьерной траектории и всепоглощающей жертвенности, ищущей грандиозного разрешения – состояния, когда управляемая смерть воспринимается как долг и апофеоз жизни. Пути истории прокладывают не только держатели золотой акции миропорядка, но и жертвы. Когда власть подавляет личность, подвергает прямому и косвенному геноциду будущее наций, рас, конфессий, классов, профессиональных, социальных групп, порою лишь уникальная жертва способна одержать верх над режимом и низким небом развоплощающей человека обыденности зла.

Привкус подобной мотивации был по-своему прочувствован на исходе второго тысячелетия, когда история оказалась в тупике, а ее будущность – под сомнением. Однако ситуация была вскоре перетолкована, умные головы не только опознали в самоубийственной жертвенности новый вид оружия массового поражения, но также обнаружили направление исторического творчества – связку отточенных скальпелей для хирургии перемен.

У культуры смерти есть драматичный аспект: трактовка смерти как жертвы – также отвергающая присущую современному человеку траекторию успеха. К угрозе голодной смерти (прайа) как последней ин-

станции прибежали и в прошлом⁷, и в наше время⁸. Но ситуация еще менее однозначна: «...я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти свершу больше, чем за всю свою жизнь»⁹. Это слова не террориста-самоубийцы, а Джона Брауна, «чье тело в земле, а дух – на небесах». И переходя в метафизические измерения «осуществления ожидаемого и уверенности в невидимом», сливаясь с жадой избавления от могильных мук: «ищите смерть там, где вы ожидаете ее найти, и материальный мир закончится, наступит жизнь потусторонняя, которая продлится вечно» [16]. И глубже: «...дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти... Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне говорит: приди ко Отцу. Я не хочу больше жить этой земной жизнью» (св. Игнатий Богоносец) [17]. Самопожертвование здесь – источник не смерти, а жизни¹⁰, жертва – цена обретения, битва

⁷ «Первые свидетельства о широком применении голодовок как способа социальной борьбы в истории Индии содержатся в кашмирской хронике XII в. «Раджатарангини». В ней сообщается о коллективных голодовках брахманов. <...> Долг царя возлагал на него личную ответственность за все случаи нарушения законности в его землях. Поэтому смерть брахмана, например, особенно тяжким грехом ложилась не только на то лицо, из-за которого была начата голодовка, но и на самого правителя страны. В связи с этим царь Уччала даже «дал клятву покончить с собой, если хоть один человек умрет от голодовки», чем побудил судей к осторожности». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Голодовка>

⁸ «В начале XX в. политические голодовки в Индии применялись широко и систематически в национально-освободительной борьбе индийцев против британского владычества. Они в первую очередь связаны с именем Мохандаса Карамчанда Ганди. Ганди рассматривал голодовки как один из методов движения сатьяграхи...» [19]. К бессрочной голодной забастовке прибежали заключенные в ходе Ирландской революции 1919–1921 гг.: Роберт Бирн, Терренс и Энн Максуйни. Терренс Максуйни, предвидя собственную кончину, говорил: «моя смерть сделает больше для разрушения Британской империи, чем мое освобождение». Ближе к нашим дням к бессрочной голодовке прибежали заключенные различных политических ориентаций: «ирландская десятка», Мустафа Джемилев, Анатолий Марченко, Гильермо Фариньяс, Андрей Деревянкин, Максим Марцинкевич, Надежда Савченко.

⁹ Из письма Джона Брауна, написанного в ночь перед казнью.

¹⁰ Самопожертвование из действия, привлекающего смерть, осознается по примеру Христа актом спасения: «смертию смерть поправ, смертию смерть разрушив». «Призвав святого Игнатия, Траян пытался то лестью, то угрозами склонить его подчиниться царскому указу и принести жертвы языческим божествам. «Не временных ишу благ, – отвечал святой, – но единых и вечных, чтобы прийти ко Христу, Богу моему, принявшему за меня

же разворачивается в другой среде, участвуют в ней существа иной природы, равно отвергающие мир, но преследующие порой диаметрально противоположные цели, как противоположны любовь и ненависть [18].

Идея корректировки истории жертвой – та ценность, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация, в наши дни извратилась, обретая карикатурное, лжеименное звучание. На планете возрождается нигилистичное по отношению к человеку мировоззрение, провоцирующее тягу к смерти, отрицая его претензию на обустройство тварного мира и само право на бытие. Путеводные нити цивилизации, выверенные знаки, символы изнашиваются, стираются, становясь непереводаемыми на язык повседневности, либо прочитываются догматично или метафорично, произвольно и разноречиво. И толкуются *ad hoc*, т. е. конъюнктурно. Удержание основ современного строя становится непосильным бременем. Добровольная жертва служит теперь метафизическим оправданием смерти, а письмена, возникающие на ткущихся и распускаемых холстах, отличаются от языковой нормы и вязи секулярной культуры, вызывая в памяти забытую во времена прогресса огненную невнятицу: *мене, текел, упарсин*.

Речь идет о конечной станции истории, ее переоценке и серьезной альтернативе – о контртезисе цивилизации, но уже не как нелегальной, террористической акции-агрессии, а открытом противостоянии постсекулярных изводов мировидения, обладающих чертежами той или иной версии опрокинутого строя. Или другими словами – о реинкарнации негативной диалектики истории. Пылающие руны – зарницы Нового мира, освещают погружающуюся в небытие тучную Атлантиду Модернити. И хотя процесс грандиозного преобразования в некоторых частях планеты не слишком заметен, в других он видится яснее, понуждая размышлять о где-то, когда-то посеянных, а ныне прорастающих кадмовых зернах – вестниках приблизившихся бурь и перемен.

Список литературы

1. Пригожин И. Философия нестабильности / пер. с англ.: Я. И. Свирский // Вопросы философии. 1991. № 6. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/875> (дата обращения: 13.04.2015)
2. Неклесса А.И. Трансмутация на историята. 11 сентября 2001 г. в историческая перспектива и ретроспектива //

смерть». Священномученик Игнатий Богоносец. Православный церковный календарь. 2007. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. С. 22–23.

Философски альтернативы. Philosophical alternatives. 2004. Vol. XIII. № 6. С. 40–58.

3. Неклесса А.И. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 89–96.

4. Неклесса А.И. Внешняя политика нового мира: движение к нестандартной системе мировых связей // ProetContra. 2002. Т. 7. № 4. С. 7–25.

5. Неклесса А.И. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. № 1 (33). С. 72–86.

6. Неклесса А.И. Непрерывный плебисцит // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 24–39.

7. Braudel F. 1979. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. Paris, 1979.

8. Неклесса А.И. Будущее и грядущее: кризис современного мира // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 70–84.

9. Неклесса А.И. Кризис мировидения // Полис. Политические исследования. 2013. № 3. С. 6–29.

10. Неклесса А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 85–110.

11. Fukuyama F. Has History Started Again? // Policy (Winter). 2002. Vol. 18. No. 2. Pp. 3–7.

12. Неклесса А.И. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 5. С. 153–157.

13. Неклесса А.И. Цивилизация смерти // Эсхатологический сборник / под ред. Д.А. Андреева, А.И. Неклессы, В.Б. Прозорова. СПб.: Алетея. 600 с.

14. Nietzsche F. 1888. Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert. URL: www.nietzsche.ru/works/main-works/idols/ (дата обращения: 13.04.2015).

15. Папа Иоанн Павел II. Окружное послание «Evangelium Vitae» папы Иоанна Павла II о ценности и нерушимости человеческой жизни. Париж–Москва: МИК, 1997. URL: web.archive.org/web/20110708152231/http://www.catholic.uz/holy_material.html?id=475 (дата обращения: 13.04.2015).

16. Аль-Бадри И. Мы дойдем до Рима. Обращение халифа Ибрагима к правоверным. URL: www.kuzbassislam.ru/news-58141.html (дата обращения: 13.04.2015).

17. Шмеман А.Д. Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1953.

18. Яковлева Е.Л. Зазеркалье (пост)современности // Человек. 2013. № 6. С. 96–107.

19. Селиванова Т.П. Голодовки как этикетная форма // Этикет у народов Южной Азии: сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 215–228.

В редакцию материал поступил 04.04.15

© Неклесса А.И., 2015

Информация об авторе

Некlessа Александр Иванович, профессор, заведующий лабораторией «Север–Юг» Института Африки РАН; председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Адрес: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, Институт Африки РАН

E-mail: neklessa@intelros.ru

Как цитировать статью: Некlessа А.И. Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 280–295.

A. I. NEKLESSA,

Professor, Head of Laboratory

Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE HEART OF DARKNESS: TRAUMATIC INCLUSION ¹¹

Objective: to analyze the genesis, dynamics, and prospects of destructive processes in the global community of the twenty-first century.

Methods: the problem is considered in the form of narrative descript (political philosophy) using scenario-psychological approach, hermeneutic methods of comparative studies and specific analysis of complex self-organizing systems (self-organizing criticality).

Results: the pattern was defined of the genesis of quasi-sovereign post-colonial territories as "traumatic inclusions", structurally unable to fit into the global civilization text; the socio-cultural trend was identified towards the "culture of death" and the associated strategic risks were listed.

Scientific novelty: we analyzed the secondary process of deconstruction of post-Imperial continental massifs as one of the sources of high risks for civilization when passing the post-industrial barrier; described the probability of extending the range of secular and post-secular destructive ideological alternatives that could serve as an incentive for terrorist activity.

Practical value: the findings and provisions of the article are applicable in research and educational practice for the assessment of global risks of civilization, for understanding the genesis and prospects of the current world order, and for development of methods to resist the negative trends and processes associated with new forms of terrorist activities.

Key words: future; crisis; transit; modernity; world order; political organization; Empire; nation state; failed states; terrorism; neo-archaization; gnosticism; nihilism; the culture of death.

References

1. Prigozhin, I. *Filosofiya nestabil'nosti* (Philosophy of instability). *Voprosy filosofii*. 1991, no. 6, available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/875> (accessed: 13.04.2015)
2. Neklessa, A.I. *Transmutatsiya na istoriyata*. 11 sentemavri 2001 g. v istoricheska perspektiva i retrospektiva (Transmutation of history. 11 September 2001 in historical prospective and retrospective). *Filosofski alternativni. Philosophical alternatives*, 2004, vol. XIII, no. 6, pp. 40–58.
3. Neklessa, A.I. *Global'naya transformatsiya: sushchnost', genezis, prognoz* (Global transformation: essence, genesis, prognosis). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004, no. 1, pp. 89–96.
4. Neklessa, A.I. *Vneshnyaya politika novogo mira: dvizhenie k nestandardnoi sisteme mirovykh svyazei* (External policy of the new world: moving towards a non-standard system of the global links). *Pro et Contra*, 2002, vol. 7, no. 4, pp. 7–25.
5. Neklessa, A.I. *Nepreryvnyi plebistsit* (Plebiscite non-stop). *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2013, no. 2, pp. 24–39.
6. Braudel, F. 1979. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle*. Paris, 1979.
7. Neklessa, A.I. *Budushchee i gryadushchee: krizis sovremennogo mira* (The future and the forthcoming: crisis of the modern world). *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012, no. 2, pp. 70–84.
8. Neklessa, A.I. *Krizis mirovideniya* (Crisis of the world outlook). *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2013, no. 3, pp. 6–29.
9. Neklessa, A.I. *Okna v budushchee. Kul'tura slozhnosti i samoorganizatsii* (Windows to the future. Culture of complexity and self-organization). *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2015, no. 1, pp. 85–110.
10. Fukuyama, F. *Has History Started Again?* *Policy (Winter)*, 2002, vol. 18, no. 2, pp. 3–7.
11. Neklessa, A.I. *Preodolenie afganskogo sindroma v tsentral'noi Azii: modelirovanie bezopasnosti* (Overcoming the Afghani syndrome in Central Asia: modelling security). *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2001, no. 5, pp. 153–157.

¹¹ The article is written on the basis of A.I. Neklessa's report at a conference "Arabic crisis: new challenges", Section "Phenomenon of "Islamic state": nature, trends, prospects of development" // Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, Scientific-Research University "Higher School of Economics". Moscow, 26-27 November 2014.

12. Neklessa, A.I. *Tsivilizatsiya smerti* (Civilization of death). *Eskhatologicheskii sbornik*. Saint-Petersburg: Aleteia, 600 p.
13. Nietzsche, F. 1888. *Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert*, available at: www.nietzsche.ru/works/main-works/idols/ (accessed: 13.04.2015)
14. http://web.archive.org/web/20110708152231/http://www.catholic.uz/holy_material.html?id=475 (accessed: 13.04.2015)
15. Al'-Badri, I. *My doidem do Rima. Obrashchenie khalifa Ibragima k pravovernym* (We will reach Rome. Address of caliph Ibrahim to the faithful), available at: www.kuzbassislam.ru/news-58141.html (accessed: 13.04.2015)
16. Shmeman, A.D. *Istoricheskii put' pravoslaviya* (Historical path of Orthodoxy). New-York, 1953.
17. Yakovleva, E.L. *Zazerkal'e (post)sovremennosti* (Looking-glass world of (post)modernity). *Chelovek*, 2013, no. 6, pp. 96–107.
18. Selivanova, T.P. *Golodovki kak etiketnaya forma* (Hunger strikes as a form of etiquette). *Etiket u narodov Yuzhnoi Azii: sb. st.* Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, pp. 215–228.

Received 04.04.15

Information about the author

Naklessa Aleksandr Ivanovich, Professor, Head of Laboratory “North-south” of Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences; Chairman of the Commission on Socio-cultural Issues of Globalization, member of a Bureau of the Scientific Council “History of Global Cultural” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences

Address: 30/1 Spiridonovka Str., 123001, Moscow

E-mail: neklessa@intelros.ru

For citation: Neklessa A.I. The heart of darkness: traumatic inclusion. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 2, pp. 280–295.

© Neklessa A. I., 2015

ПОЗНАНИЕ

Азаренко, С. А.

Топологии сообщества / С. А. Азаренко ; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 228 с.

Монография посвящена наиболее сложным проблемам социально-философского дискурса, так как речь пойдет об основаниях и теоретико-методологическом потенциале топологической антропологии. Автор обращает особое внимание на специфические эффекты топологии коммуникации, топологии исторического бытия и культуры российского философствования.

Адресована научным работникам, преподавателям, докторантам и студентам, а также всем, кто интересуется вопросами современного социально-гуманитарного познания.